

слав. Ярославские князи иде на помощ» (рис. 1, 6); «Владимир град. Владимирские князи» (рис. 1, 7); «Ростов град. Ростовские князи» (рис. 1, 8); «Суздальские князи» (рис. 1, 9); «Курба. Курбская сила» (рис. 2, 3); «Два брата князи литовские, ольгердовичи, иде Димитрию на помощ силами» (рис. 2, 1); и еще у одной значительной группы не сохранилось названия города, но есть только следующие остатки надписи: «...оа[гнос] м[итропол]ит ... Иоан ... На помощ Димитрию» (рис. 2, 2).

Бросается в глаза то обстоятельство, что город этот расположен выше всех городов, на одной горизонтальной линии с двумя изображениями Москвы (совет Димитрия с Киприаном и отправка посла к Мамаю). Кроме того, воинские силы их движутся не к Москве, а минуя ее, вероятно в Коломну, ибо художник между изображением Москвы — центра сбора сил и войском, выступающим из города, помещает гору. Архитектурными сооружениями, служащими признаками этого города, являются большой белый собор и около него белая колокольня. В этих двух зданиях мы видим Николодворищенский собор и колокольню на Ярославском дворце — месте сбора новгородского веча (рис. 2, 2). Серьезным доводом считаем изображение иконы Знамения богоматери, которую держат стоящие за митрополитом горожане. Икона Знамение исстари была признана патрональной святыней Новгорода. Стоящий перед воинами и благословляющий митрополит имеет на голове белый клобук со вскрыльями, такой же, какой написан на митрополите Киприане в начале фриза. Белый клобук, как это отмечено в соборной грамоте 1564 г., носили архиепископ Новгорода и Пскова, некоторые московские (Алексей и Петр) митрополиты и ростовские (Леонтий, Игнатий и Исая) архиепископы.¹⁶ Московские митрополиты надели белый клобук уже с 1564 г. на основании постановления собора; этим же собором было разрешено новгородским архиепископам продолжать носить белый клобук.¹⁷ Все русские митрополиты получили разрешение носить белый клобук только с 1667 г. Таким образом, художник XVII в. мог изобразить в белом клобуке только либо московского митрополита, либо ростовского или новгородского архиепископа. Первые два исключаются на том основании, что Москва и Ростов изображены уже художником. Таким образом, не подлежит сомнению, что в виду имеется новгородский архиепископ. Повесть об участии мужей новгородских в Куликовской битве включена в Распространенную редакцию «Сказания». Повесть эта не является механической вставкой в ранний текст памятника, а при ее включении все повествование подверглось редакторской обработке и получило значительную новгородскую окраску.¹⁸ Художник иллюстрирует на иконе собрание новгородцев на Ярославском дворце согласно тексту «Сказания».

Все это нас убеждает в том, что художник изобразил Новгород и новгородцев. Неясно только, почему автор иконы назвал новгородского владыку Иоанном — имя, сохранившееся в подписи над изображением. В «Повести о новгородцах», как это отмечает С. К. Шамбинаго, бытует имя Евфимий. В числе новгородских архиепископов известно два Евфимия, занимавших кафедру один за другим между 1421—1458 гг., но они никакого отношения к эпизоду не имеют. Архиепископом между 1360—1388 гг. в Новгороде был Алексей.¹⁹ По-видимому, в списке «Сказания», которым пользовался художник, новгородский архиепископ был назван Иоанном (архиепископ с 1388 г.).

¹⁶ АИ, т. I. СПб., 1841, стр. 331—333.

¹⁷ Н. Петров. О судьбе вена Константина Великого в русской церкви. — Труды Киевской духовной академии, 1865, № 10, стр. 498.

¹⁸ ТОДРА, X, стр. 186, 187.

¹⁹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 320.